

FANTASTIKA

LUKE SCULL

THE GRIM COMPANY

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2014

ЛЮК СКАЛЛ

ГРОЗНЫЙ ОТРЯД

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2014

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
С42

Luke Scull
THE GRIM COMPANY

Copyright © Luke Scull, 2013

All rights reserved.

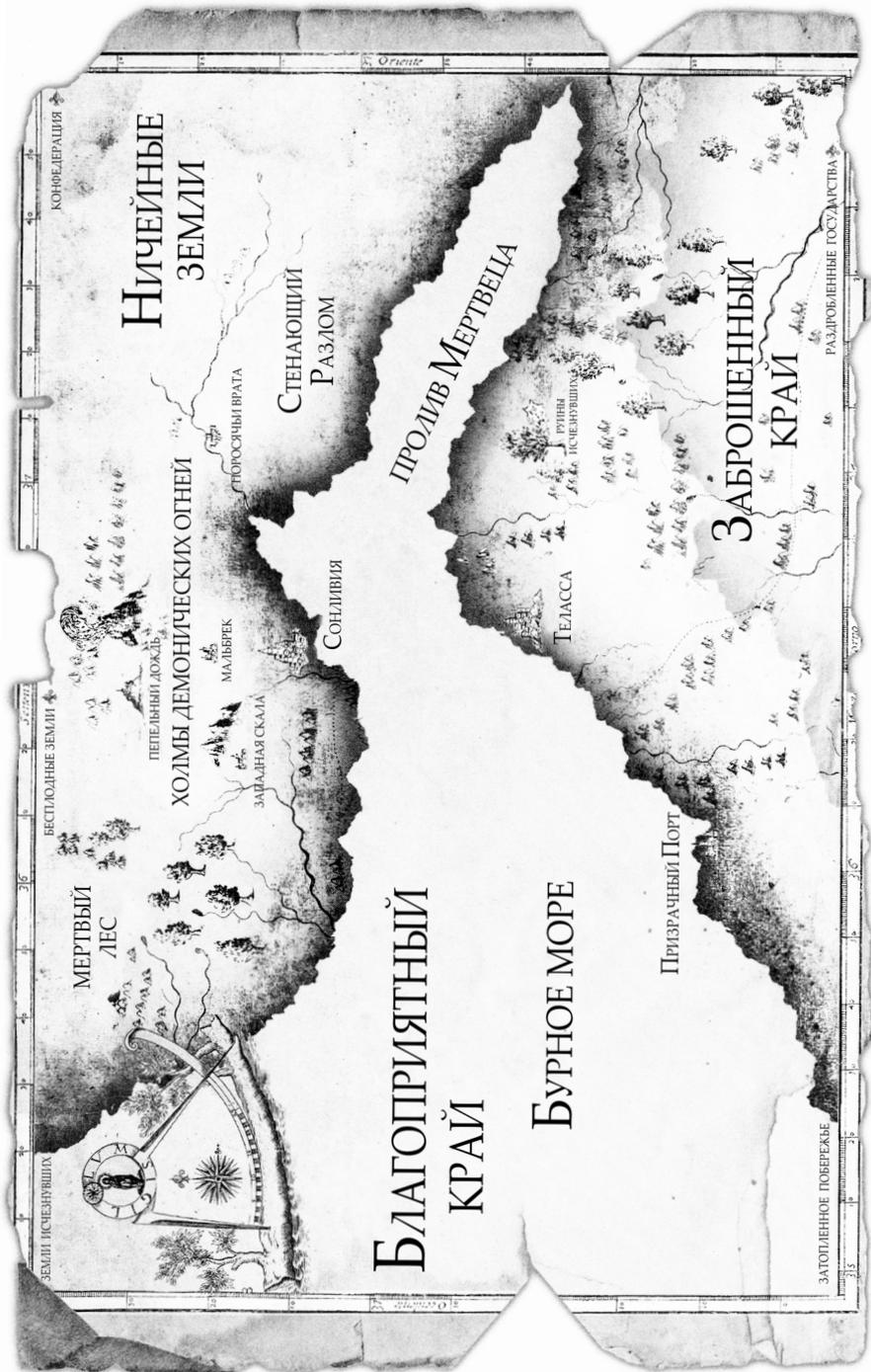
Перевод с английского Валерия Лушникова

Художественное оформление Александра Золотухина

ISBN 978-5-91878-099-2

© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2014

Посвящается Йесике

ЗЕМЛИ ИСЧЕЗНУВШИХ

МЕРТВЫЙ ЛЕС

БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

КОНОФЕРАЦИЯ

ХОЛМЫ ДЕМОНИЧЕСКИХ ОГНЕЙ

ПЕПЕЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

ЗАПАДНАЯ СКАЛА

МАЛЫВЕК

ГОРОСЯЧИЙ ВРАТА

НИЧЕЙНЫЕ ЗЕМЛИ

СОНЛИВИЯ

СТЕНАЮЩИЙ РАЗЛОМ

БЛАГОПРИЯТНЫЙ КРАЙ

ПРОЛИВ МЕРТВЕЦА

БУРНОЕ МОРЕ

ТЕЛАССА

ПРИЗРАЧНЫЙ ПОРТ

ЗАБРОШЕННЫЙ КРАЙ

ЗАТОПЛЕННОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

РАЗДРОБЛЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА

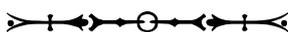
Ориентир

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

СТАВКА ТИРАНА

Ветер трепал флаг пританцовывающего на якоре военного корабля. Стилизованная буква «М», вышитая серебром на черном поле флага, горделиво оповещала о том, что это флагман победоносного флота Призрачного Порта.

Война, которая заливала кровью воды Благоприятного края последние полгода, закончилась. В двух сотнях миль к северу, за Бурным морем, Сонливия оценивала, во что обошлось противостояние ее флота кораблям Города Теней, которые обладали превосходящей огневой мощностью.

Тарн наблюдал за тем, как члены экипажа «Свободы» с важным видом спускались на пристань, в объятия преисполненной обожания толпы. Над причалом стоял неумолчный галдеж, раздавался ликующий смех и проливались слезы радости: семьи и друзья приветствовали своих героев, которые возвращались с войны.

Посмотрев на все это еще немного, Тарн отвернулся и плюнул в темно-синюю воду гавани. Плевков немного поболтался на покрытой рябью поверхности и растворился в морской зыби. Проходящая мимо женщина окинула Тарна пристальным взором, прежде чем смешалась с толпой высаживающихся на берег солдат.

Он в числе первых отправился бы на корабль, когда разгорелся вооруженный конфликт с Сонливией, если бы не его хромота. В Бурном море, как, впрочем, и везде, от него не было бы никакого толку, он лишь тащил бы ко дну тех, кто от него зависел.

Привычным взглядом Тарн осмотрел свои руки и поморщился, узрев струпья и старые кровоподтеки. Волна стыда захлестнула его. Ему нужно увидеть Сару. Нужно попросить прощения.

Опустив голову, Тарн медленно побрел домой.

В ознаменование победы в войне за Небесные острова, что лежат далеко на западе в Бескрайнем океане, лорд Мариус издал указ о приостановке на три дня всех работ. Праздная публика фланировала в лучах заходящего солнца: малиновая полусфера медленно погружалась в волны Бурного моря.

Пока Тарн пробирался сквозь лабиринт улочек, прилегавших к гавани, в нем зарождался гнев. Мариус низко пал в глазах подданных, его ненасытность — что в еде, что в плотских утехах — стала притчей во языцех. Подобно тирану Сонливии и таинственной Белой Госпоже, правящей Телассой на востоке, Мариус был лордом-магом, бессмертным чародеем, обладающим огромным могуществом. Это они сотворили Век Разрушения.

Проклятый *Богоубийца*.

Голпа, направлявшаяся в гавань, становилась плотнее. Тут попадалось много вызывающе одетых шлюх, от которых несло дешевыми духами. Они были готовы на все, чтобы опустошить кошельки высаживающихся на берег солдат.

Заподозрив в нем клиента, одна из девиц встала перед Тарном. Выпятив грудь, она послала ему улыбку. Зубы у нее были кривые, но глаза отливали яркой синевой, и невымытые темные волосы обрамляли вполне привлекательную мордашку.

— Страждешь, милый? У меня есть чаша, которая утолит твою жажду, — заявила она, проведя руками по бедрам и приподнимая подол своего и так не слишком длинного платья.

Ноги ее были бледны и покрыты бледными синяками, что напомнило Тарну белые сыры, которые Призрачный Порт экспортировал на побережье Бурного моря до Телассы и дальше. Это зрелище вызвало у него неприятные воспоминания.

Тарн кашлянул.

— Мне это неинтересно. Жена дома ждет. — Он указал на простое кольцо на пальце, отводя взгляд от зазубрины на дешевом серебре.

Шлюха разочарованно хмыкнула, словно желая польстить, но взгляд, которым она обвела его красноватое лицо, редящие волосы, выпирающее брюшко, выразил ее истинное отношение.

— Может, я сделаю тебе особую скидку — в честь этого празднования. То, о чем твоя жена не узнает, не причинит ей вреда, так ведь?

Теперь в голосе женщины слышалось равнодушие, как если бы она решила, что уже достаточно постаралась ради того скромного вознаграждения, на которое могла рассчитывать. Это разозлило Тарна, в особенности — потому, что она все поняла.

— Да ты хоть знаешь, каково это — быть любимым? Когда кто-то рядом с тобой, какие бы глупости ты ни совершал? Такая женщина заслуживает, чтобы мужчина хранил ей верность.

— Как скажешь, мистер. Тут сегодня желающих хватает. Бьюсь об заклад, большинство мужчин будет в лучшем настроении и побогаче тебя. — И женщина отправилась восвояси.

Тарн раздраженно фыркнул. За те полсклянки времени, что ему понадобились, чтобы добраться до промышленного сектора, известного здесь как Восточный Деготь, небо застлало темные облака, добавив еще один серый слой к пелене смога на линии горизонта. Хладными оставались кузнечные горны и пустовали кузницы в разгар городских торжеств, но никакие отзвуки праздничной суеты в эту часть Призрачного Порта не долетали. Восточный Деготь — безотрадное, унылое место, но для Тарна оно было родным.

Колено покалеченной ноги пронзила резкая боль, и Тарн, ругнувшись, споткнулся и чуть было не свалился на подозрительное сырое пятно на земле.

До его ушей донесся мальчишеский смех.

— Ты это видел, Томас? Тупой ублюдок чуть не угодил мордой в твоё ссанье!

— Да он, верно, пьян!

Тарн сжал кулаки, его гнев разгорался. Их было шестеро, местные парни. Мерзкая кода.

Один из юнцов с важным видом подошел к нему и принюхался.

— Он не пьян.

— Редкий случай. Стало быть, его жена сегодня останется цела. Ты видел, каких синяков он ей понаставил?

— Конечно. Лицо у нее было сплошь желто-коричневым, как собачье дерьмо. — Благополучно вернувшись к своим, парень бросил на Тарна насмешливый взгляд. — Однако ж натяни ей на голову мешок — и никакой разницы, понимаете, о чем я? — Юнец хрипло задышал и задвигал бедрами, к восторгу своей компании.

Тарна затрясло. Он шагнул им навстречу, раздуваясь от ярости. Легкомысленная веселость юнцов мгновенно сменилась убийственной серьезностью, их жестокие взгляды застыли на нем, руки потянулись к поясам. Тарн понимал, что сила не на его стороне, но ему было все равно. Он просто хотел причинить им боль.

В эту минуту забарабанили первые капли дождя. Вместе с ними появилось нечто неосязаемое и невидимое, словно здесь сошлись какие-то колоссальные энергии, что ощутили все присутствовавшие, хотя никто не смог бы описать этого словами.

— Ха! — воскликнул один из юнцов и обвел взглядом приятелей.

— Лучше вернуться, — заявил Томаз. — Мне нужно впустить Тайро. Ему не нравится дождь.

Остальные закивали, забота о собаке друга вытеснила их кровожадные мысли. Они растворились в набирающем силу дожде, напоследок пронзив Тарна зловещими взглядами.

Склонив голову под едким ливнем, Тарн, пошатываясь, пробирался по скользким улицам. Ему нужно было добраться домой: Сара ждала его. Порывистый ветер, который усиливался с каждым его шагом, швырял ему в лицо холодные капли. Тарн смахивал их, мотая головой. Ночь опустилась на город густым, плотным покровом.

Ему было противно то, кем он стал, но что же он мог поделать? Пьянка его доконала — так же основательно, как сорвавшийся груз раздробил его ногу. Все, что ему удалось отложить за последние десять лет, целых десять полновесных золотых шпилей, ушли на врача, который спас ему конечность, но оставил хромым и без гроша. Сара заслуживала лучшего.

Он почти дома. Что, если она ушла, не оставив ему шанса извиниться? Сара моложе его, женщина в расцвете лет. Она не смогла подарить ему ребенка, но в городе есть лекари, которые способны с этим помочь. О недавних успехах Призрачного Порта в науках перед войной шла молва по всему Благоприятному краю.

Но нанять лекаря сейчас невозможно, ведь карманы Тарна почти пусты.

Он подошел к двери своего скромного дома. Внутри было темно. Царила тишина, не считая непрерывной скороговорки дождя, который барабанил по шиферной крыше, по стенам красного кирпича и по булыжникам мостовой. На мгновение Тарна охватила паника.

Внезапно замерцал свет, и дверь отворилась. Перед ним стояла Сара со свечой в руке, подсвечивающей синяки на ее лице. Не сказав ни слова, она развернулась и пошла на кухню. Тарн последовал за ней.

На маленьком обеденном столе стояли две миски. Поставив свечу, Сара подошла к железной плите, а он сел на свое место. Вернувшись с помятой старой кастрюлей, она положила щедрую порцию теплой запеканки в его миску, порцию поменьше — в свою и две деревянные ложки — на стол. Затем села напротив него.

Минуло полсклянки. Сара почти не смотрела на него и едва прикоснулась к еде. Он снова ощутил ноющую боль в голове. Откинувшись на спинку стула, Тарн помедлил, подыскивая слова, которые собирался высказать ей.

— Сара... У меня и в мыслях не было тебя ударить. Ты это знаешь. Я — проклятый дурень. Никуда не годный, хромой дурень. Мне так...

Всего лишь в каком-то дюйме от его головы пролетела миска. Лицо Сары превратилось в холодную маску, однако руки ее тряслись.

— Ты — ублюдок, — сказала она и с усилием поднялась на ноги. — Как ты мог сделать это со мной?

— Я не сдержался. Я говорил тебе: ты заслуживаешь лучшего.

— Ты чертовски прав, я заслуживаю лучшего!

Охваченная яростью, она огляделась по сторонам и, схватив с плиты сковороду, угрожающе двинулась к нему. Тарн соскользнул со своего стула и, ударившись коленом, выругался. Взмахнув сковородкой, Сара нанесла ему полновесный удар по скуле.

В глазах вспыхнул ослепительный свет, и Тарн замычал от боли. По щеке потекла кровь, закапала с подбородка. Сара вновь замахнулась сковородой.

Перехватив руку жены, Тарн стиснул ее. Сковорода выпала. Ярость, которая бурлила в нем целый день, внезапно вырвалась наружу, неукротимая и бессмысленная. Он сжал руку сильнее, и Сара охнула. Тарн поднял ободранную другую руку и сжал ее в кулак. И встретил взгляд жены. Кулак дрогнул.

И тут они оба услышали это. Жуткий грохот, словно тысяча волн ударила в утес. Стук дождя по крыше превратился в свирепый барабанный бой. Потолок затрясся и дал течь сразу в нескольких местах. Сверху обрушились потоки воды, заливая пол и мебель. С улицы донеслись крики, едва различимые из-за рева и плеска.

Тарн выпустил руку жены. Они вдвоем выбежали наружу.

Воды Сумрачного залива неистово бушевали в сотне футов над городом, закрыв весь горизонт. Миллиарды тонн воды висели в воздухе, словно поднятые какой-то невообразимой силой, низвергая ливневые потоки на город, лежащий внизу. Охваченные ужасом мужчины и женщины на улице жались друг к другу, кто-то спешил запереться в своих домах. Несколько стариков, закрыв глаза, молились богам, зная, что те их не слышат. Перебитые во время Войны с Богами, они были мертвы уже пять столетий, а их трупы свергли с небес лорды-маги, которые правили теперь разрушенным континентом.

Тарн не сводил глаз с невероятного зрелища, разворачивающегося над головой. Он не ощущал никакого страха. Никакой печали. Его разум словно оцепенел, будучи не в состоянии постичь масштабы происходящего. Рядом исступленно лаяла напуганная собака, носясь из стороны в сторону. Парень позвал пса по имени — Тайро — и обхватил его руками, чтобы успокоить.

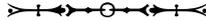
Тарн почувствовал руку Сары в своей, прикосновение нежной кожи к ободренным пальцам. Он бережно притянул Сару к себе.

— Прости, — прошептал он и поцеловал ее в лоб.

Сара спрятала лицо на его груди. Он стоял, поглаживая ее мокрые волосы и щурясь на бушующий вихрь. Внезапно тот прекратил всякое движение, на мгновение застыв. Тарн разглядел корабль — бушприт и часть корпуса, которые выступали из воды прямо у него над головой.

«Свобода».

Небеса рухнули.

АНГЕЛ СМЕРТИ

Ранее в тот же день...

Вода, казалось, стискивала его, будто длань великана, выдавливая воздух из легких. Он неистово метался и тряс головой, страстно желая, чтобы тело выдержало хотя бы еще мгновение. В груди словно польхало пламя.

Он может совершить это. Три минуты. Вот и все. Еще несколько секунд, и...

Безуспешно. С чудовищным выдохом голова Даваруса Коула вырвалась из воды. Яростно молотя кулаками по бортикам железной ванны, он проклинал лорда-мага, убить которого было целью его жизни. Убить тирана, правящего городом железной рукой.

«Салазар. Однажды мы с тобой расквитаемся».

Взявшись за края ванны, он поднялся и с минуту стоял, смаргивая с ресниц воду. Его взгляд упал на маленькое зеркало в углу комнаты. Это было редкостью в Сонливии, где, как правило, лишь знать могла позволить себе такую блажь. Его наставник и приемный отец, Гарретт, раздобыл зеркало за немалые деньги. Коул заслужил эту роскошь.

«В конце концов, — подумал он, — герой должен соответствовать своему статусу».

В зеркале отражалось его сухощавое, жилистое тело. Черные волосы, закрывающие шею, и короткая бородка-эспаньолка резко контрастировали с бледной блестящей кожей. От холодной воды в ванне его тело совсем побелело, и Коул смахивал теперь на привидение.

Ангел смерти.

Прищурив серые глаза, Коул любовался своей зловещей внешностью. Он представил себе выражение, которое появится на старом, морщинистом лице Салазара, когда клинок по имени Проклятие Мага быстро и плавно достигнет цель... Раздастся тихий вздох узнавания, кровь тирана запузырится у него на губах, тело осядет на пол. «Помнишь моего отца, ублюдок? Что ты с ним сделал? Я — Даварус Коул, и я пришел забрать свое».

Коул нахмурился. А что — свое? Мечь — само собой, но должно же быть что-то большее? Так не пойдет — нельзя непродуманной фразой лишать триумф блеска. В то же время, возможно, именно это наилучшим образом характеризует Даваруса Коула. *Человек тайны*. Ему понравилось, как это звучит.

В неожиданном порыве Коул напрягся и сделал обратное сальто в воздухе, выпрыгнув из ванны и приземлившись на корточки в нескольких футах от нее. Медленно выпрямившись, он повернулся к зеркалу, чтобы бросить на себя последний восхищенный взгляд. Мысленно он вновь перенесся в прекрасное мгновение своей неизбежной славы. *Не сейчас. Не сегодня. Но не за горами.*

Погруженный в эти приятные размышления, он, несмотря на острый слух, не обратил никакого внимания на приближающиеся шаги, пока они не замерли у двери его комнаты. Коула внезапно охватил страх: он осознал, что забыл повернуть ключ. Он застыл. Дверь с глухим стуком распахнулась, и в комнату влетела Саша.

Они уставились друг на друга.

Саша была на пару лет старше его, высокая и стройная шатенка, с темными, ниспадающими на плечи волосами и пленительными очами. С растущим замешательством он смотрел за тем, как ее взор скользит вниз по его обнаженному телу.

На ее губах заиграла легкая улыбка:

— Не очень впечатляющее зрелище. Я думала, ты обладаешь оружием, способным поглощать магию и насаживать лордов-магов на вертел, как кабанов. Не поверю, что такой инструмент может сразить хотя бы сельскую девчонку.

Коул опустил взгляд на свое съежившееся мужское достоинство. Быстро прикрыв его левой рукой, правой он махнул в сторону ванны.

— Это все вода, — пробормотал он. — Она ужасно холодная.

Саша посмотрела на него, ее широко распахнутые глаза сияли от удовольствия.

— Возможно, в следующий раз тебе захочется запереть дверь. — Ее улыбка погасла. — Гарретт желает видеть всех нас на Крюке в течение одной склянки. Будь там вовремя — я думаю, это что-то серьезное. Не валяй дурака, Коул.

— Ладно, — кротко ответил он.

Саша повернулась к двери и остановилась. Не оглядываясь, она произнесла:

— Не волнуйся. По моему личному мнению, ты — вполне себе призовой петушок. — Хохотнув, Саша выскользнула из его комнаты.

Большинство жителей Благоприятного края знали Сонливию как Серый город. Это название подходило сразу по нескольким причинам: почти все здания Сонливии были построены из гранита, добытого в холмах Демонических Огней, вздымающихся прямо за северной городской стеной. Некогда на этих холмах обитали дикие племена, но мерзкие проявления магии и другие ужасы, которые обрушились на эти земли со времен Войны с Богами, вытеснили эти племена в Бесплодные земли. В некоторых древних летописях упоминалось, что свое название холмы Демонических Огней получили после некоего трагического события в стародавние времена, но никаких подробностей известно не было — большая часть документов мировой истории оказалась утраченной в хаосе, наступившем после Богоубийства.

Когда Даварус Коул вышел из своей квартирке и направился по дороге Тирана, его встретил яростный ветер. Широкая главная улица вела под уклон к гавани на юге, а к северу она проходила через большую круглую площадь, известную как Крюк, и выше достигала квартала знати, где осыпанная почестями и привилегиями клика правила Сонливией от имени лорда-мага Салазара.

Коул уже видел остроконечную башню Обелиска, пронзающую линию горизонта. Этот монолит, воздвигнутый в центре квартала знати из усиленного с помощью магии гранита, стал символом тирании Салазара.

Деспотичный лорд-маг города основал Сонливию почти пятьсот лет назад, вскоре после того, как разрушительная Война с Богами до неузнаваемости изменила весь край. Смерть Малантиса и его низвержение с небес в Лазурное море вызвали потоп в королевстве Андарр и со временем привели к образованию неприветливого Затопленного побережья, которое тянулось теперь на сотни миль к югу и западу от Благоприятного края. Богоубийцы — Салазар и другие лорды-маги — оказались единственной защитой против воцарившегося магического хаоса, к которой могли прибегнуть выжившие в опустошенном королевстве. Они бежали на север и восток — в Телассу, пережившую потоп, и помогли построить города Призрачный Порт и Сонливию. Спокойная жизнь под правлением чародея-богоубийцы была предпочтительнее верной смерти.

В столетия, последовавшие за Войной с Богами, Благоприятный край стал одним из крупнейших очагов цивилизации к северу от Солнечных земель. По правде говоря, Конфедерация значительно превосходила Благоприятный край, но этот союз государств, вернувших себе независимость после того, как распалась Гарзианская империя, находился в месяце пути на востоке, за Ничейными землями, пораженными проклятием темной магии.

Коул никогда не бывал дальше прибрежных поселений, которые снабжали Сонливию пищей и другими ресурсами. Он помнил, как три года назад сопровождал Гарретта в деловой поездке в Мальбрек и ему было ужасно скучно. В провинции обитали фермеры, горняки и прочие обычные люди — не такие, как он, уделом которого было *величие*.

Журчание вод реки Краснобрюшки сопровождало Коула, шагающего по дороге Тирана. Краснобрюшка протекала почти параллельно дороге, примерно в сотне ярдов слева, она сбегала с холмов Демонических Огней и впадала в море, образуя гавань. В это время года на реке было совсем немного судов — суровое дыхание зимы еще ощущалось в весеннем воздухе, и холода

продлятся довольно долго. Ну и еще эта война с Призрачным Портом. Конфликт из-за недавно открытых за сотни миль к западу в Бескрайнем океане Небесных островов, начавшись поздней осенью, завершился унижительным поражением Сонливии.

По мнению Коула, любой удар по Салазару означал победу для народа Сонливии, даже если он этого пока не осознавал. Поражение городского флота доказывало, что тиран Сонливии тоже мог допускать просчеты. Подобные неудачи — в совокупности с усилиями таких людей, как Коул, — в конце концов ослабят хватку Салазара настолько, что добрые люди Сонливии восстанут и свергнут своего вечного властителя. Если только Коул не убьет его до этого.

Эта мысль вызвала у него улыбку. Однажды весь север узнает его как подлинного героя.

Воздух пронзил скрежещущий крик, и Коул в тревоге поднял взгляд. Над головой широкими кругами летал следящий ястреб. Его серебристая голова медленно вибрировала, а темно-синие глаза пристально вглядывались в лежащий внизу город. Мужчины и женщины, которых угораздило оказаться в этой зоне, тут же поспешили из нее убраться.

Коул чуть было не последовал их примеру, но вспомнил о пилюле, которую проглотил перед выходом из дома, и вздохнул с облегчением. Это своеобразное снотворное деактивировало те части мозга, которые могли непреднамеренно транслировать изменнические мысли магическим мутантам в небе. И пусть наутро у него будет болеть голова, но это ничтожная плата за возможность избежать Черной лотереи. Алая стража произвольно отбирала подозреваемых в предательских замыслах и подвергала их жестоким наказаниям, бросая в тюрьму, а порой и просто убивая на месте.

Кое-что вновь привлекло внимание Коула к улице. К нему приближались два стражника в алых плащах. Стражники конвоировали болезненного старого человека. Один из солдат злобно пихнул старика сзади, и тот, споткнувшись, упал ничком на землю. Когда он поднялся на ноги, Коул увидел, что лицо арестованного обезображено шрамом через всю щеку. Повернувшись к своим мучителям, старик, видимо, сказал что-то, что

не понравилось конвоирам, и второй солдат ударом кулака опять сбил его с ног.

Коул шагал совершенно спокойно. Такие события были нередки. Алая стража якобы служила Сонливии и ее территориям в качестве регулярной армии и городской охраны. На самом же деле это была не более чем шайка головорезов, терроризирующих население с поущения городских магистратов и их безжалостного хозяина в Обелиске.

Хотя было бы благоразумно слинять отсюда, не привлекая к себе внимания, — ведь Гарретт настаивал на необходимости соблюдать осторожность. «Коллектив важнее отдельной личности, — говорил его приемный отец. — Мы не можем исправлять каждую несправедливость. Опрометчивый поступок поставит под угрозу всех нас. Проявляйте мудрость, выбирая, когда следует сражаться, и помните, что Осколки наносят самые глубокие раны из тени».

Коул нахмурился. Возможно, Гарретт не имел в виду *его*. В конце концов, ведь очевидно, что его способности и находчивость значительно превосходят таланты сверстников, и, кроме того, Гарретт ведь всегда говорил, что однажды он станет великим героем, таким, как его настоящий отец. Подобные ему встречают несправедливость решительно, с заколдованным клинком в руке, и эпическая судьба направляет их праведное неистовство, которому не может противостоять ни один злодей.

Укрепившись в своем решении, Коул направился к стражникам со всей возможной уверенностью. Он не мог не заметить, что немногие оказавшиеся поблизости люди вдруг словно растворились, и почувствовал себя совершенно незащищенным. Внезапно у него пересохло в горле.

Солдат, склонившийся над стариком, при приближении Коула поднял взгляд. Вопросительно посмотрев на напарника, он убрал меч от шеи своей жертвы и выпрямился.

— Какого черта тебе надо? — невозмутимо спросил он.

Другой стражник, двинувшись навстречу Коулу, опустил руку на ножны. Тонем, источающим злобу, он заявил:

— Надеюсь, у тебя имеется серьезная причина для вмешательства в официальное дело Алой стражи, парень, иначе я отволоку твою задницу в тюрьму.

— Довольно! — скомандовал Коул голосом, в котором, как он страстно надеялся, звенела властность.

Засунув руку под плащ, он ухватил рукоятку Проклятия Мага. Его рука отчего-то задрожала. Этого не должно было случиться.

Но он решил, что отступить поздно.

— Поскольку вы, шлюхино отродье, слишком тупы, чтобы в этом разобраться, замечу, что вы говорите с Манипулятором. Этого человека разыскивают в Обелиске. Ваше дело — проводить его. — У Коула на лбу выступил пот. Он попытался избавиться от него усилием воли, но безуспешно.

— Вот как? — На солдата, стоящего слева от Коула, похоже, эта тирада не произвела никакого впечатления. Это был человек средних лет с маленькими косящими глазками и жестоким выражением на рябой физиономии. — Раз так, то ты не обидишься, если мы попросим тебя подтвердить свои полномочия. — И он выжидающе уставился на Коула.

Коул с трудом сглотнул и плавным движением вытащил из ножен Проклятие Мага, держа длинный кинжал в подрагивающей руке. Кивнув на свое оружие, он заявил:

— Он заколдован. Видишь сияние? Никто, кроме Манипулятора, не может обладать таким оружием. Полагаю, это удовлетворит твое любопытство.

«Пожалуйста, просто кивни, и разойдемся», — взмолился он про себя. Вслух же заявил:

— А теперь убирайся с глаз моих долой, пока я не всадил в тебя этот кинжал так глубоко, чтобы яйца в глотке застряли!

Стражники переглянулись и, казалось, достигли взаимопонимания. Пожав плечами, рябой плюнул на избитого старика, лежащего на земле.

— Ты прав. Он твой. Желаем тебе хорошего дня. — Стражники медленно прошли мимо Коула и направились на юг, вниз по дороге.

Он смотрел, как удаляются развевающиеся алые плащи. Его охватила бурная радость, и он не удержался от довольной хмылки, которой, право же, заслуживала его остроумная импровизация. Может, он и лучше воспитан, чем остальные Осколки — бунтари, которых он называл товарищами, — но

тем не менее при необходимости сквернословить он умел не хуже любого из них. В этом плане Коул считал себя вполне обыкновенным человеком, способным испытывать всю гамму эмоций.

Он опустил взгляд на стонущего старика у своих ног. Левый глаз у того совсем заплыл, по щеке и шее текла кровь.

— Ты можешь встать? — спросил Коул.

Мужчина в ответ застонал и попытался подняться, но безуспешно. На Коула внезапно нахлынуло раздражение.

— Ты хоть понял, что произошло? Я спас тебе жизнь. Они убили бы тебя. — Понизив голос, он ободряющим жестом положил руку на плечо старика, который пытался встать на колени. — Быть может, сейчас этого и не понять, но ты оказался здесь неспроста. Ты должен был стать этому свидетелем. Однажды ты оглянешься назад и улыбнешься: не это ли было рождением легенды... Что? В чем дело?

Здоровый глаз старика расширился, как если бы он увидел за спиной Коула нечто ужасное. Юный Осколок обернулся.

Там стоял рябой стражник, и на лице его играла злобная ухмылка. Его напарник уже занес свой меч для удара. Время словно замедлило ход: взгляд Коула скользнул вправо, уставившись на яблоко рукояти меча, опускающееся на его голову. Коулу удалось запрокинуть голову достаточно быстро, так что основная сила удара пришлась на нос.

Тррахх! Вспышка боли. Постыдной боли. Он вскрикнул, но голос сорвался, и на выходе получился какой-то поросячий визг. Его ослепила вспышка белого света. Когда к нему вернулось зрение, он обнаружил, что лежит поверх старого дурня. «Как это случилось?»

Во рту — липкая солоноватая жидкость. Кровь. Коул затряс головой, отчаянно пытаясь понять, что к чему.

Рябой стоял над ним. Его вздетый двуручный меч сверкал в солнечном свете, бросая солнечные зайчики на кольчугу. Коул старался сосредоточиться. Он видел Обелиск на фоне красного заката, красные кровавые пятна на белой кирасе стражника. «Моя кровь?»

Меч со свистом обрушился вниз. На этот раз Коулу удалось вовремя увернуться. Меч рассек воздух в том месте, где Коул

лежал всего лишь мгновением раньше, и разрубил надвое голову старика. Осколки кости и ошметки мозга разлетелись по булыжной мостовой.

Стиснув зубы, чтобы унять боль в черепе, Коул поднял Проклятие Мага и вонзил его в ногу стражника. Мерцающий кинжал оставил неглубокую рану, и солдат, выругавшись, занес свой заляпанный кровью меч для очередного удара. Его напарник тоже придвинулся ближе, поднимая меч.

Коул отчаянно отползал назад, а рябой стражник свирепо обрушил клинок сверху вниз. Навстречу падающему лезвию внезапно взлетел Проклятие Мага и отбил здоровенный двуручник, как перышко. Рябой ударил Коула ногой в грудь. Раздался отвратительный глухой звук, и Коул растянулся на мостовой. Зарывав, стражник прыгнул вперед, намереваясь завершить схватку, но поскользнулся в луже крови, и его подвела раненая нога. Ругаясь, он с размаху грохнулся на булыжники.

«Вставай! Вставай!» Коул заставил себя подняться на ноги. Его нос и подбородок кровоточили, но по крайней мере руки и ноги все еще двигались. Второй стражник быстро приближался с занесенным для удара мечом.

Коул сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Вот к чему все свелось. Со своими ранами он не сможет одолеть солдата в рукопашном бою, да и доспехи стражника были намного лучше. Его собственная одежда из кожи не обеспечит ему достаточной защиты. Подняв левую руку, Коул взял на изготовку свой мерцающий клинок — он часто в этом упражнялся. Он не промахнется — судьба этого не позволит. Именно в такие мгновения герои совершают деяния, изумляющие историков.

Метнув кинжал, он наблюдал за тем, как Проклятие Мага, вращаясь в воздухе, летит точно к голове солдата. Великолепный бросок, он знал, что так и будет. Практика приводит к совершенству, особенно когда дело касается меткого от природы человека с безошибочной интуицией...

Тупая рукоятка кинжала ударила стражника в правый глаз. Яростно вопя, он схватился за лицо, а Проклятие Мага с лязгом упал на булыжную мостовую. Второй стражник уже поднялся на ноги и хромал к Коулу, рыча от ненависти.

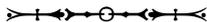
— Убью ублюдка! — орал он, брызжа слюной.
Коул со всех ног бросился прочь.

Он бежал уже несколько минут. Ему казалось, что в груди полыхает пламя. Каждый вдох доставлял невероятное страдание.

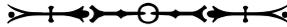
Откашлявшись, Коул сплюнул кровью. Юноша слышал, как стражники преследуют его по извилистым улочкам, ведущим на юго-восток от Крюка. Распихивая плечами всех, кто встречался ему на пути, — в этих трущобах одни бедняки и нищие — он столкнул старушку в груды отбросов и теперь недовольно морщился при мысли, что ее крики привлекают внимание ведущих погоню солдат.

Дышать становилось все тяжелее. Что-то не так с его легкими. Коул перешел на шаг, а затем и вовсе остановился. У склада, смердящего тухлой рыбой, он опустился на колени и слушал, как приближается смерть. По щеке скатилась слезинка.

«Печальный конец», — с горечью подумал он.

СНОВА В БЕГАХ

Он тужился изо всех сил. Это словно пытаться протолкнуть булыжник сквозь игольное ушко. «Или протиснуть руку в одну из клеток Шамана».

Высокие Клыки — в другом мире, но есть такие воспоминания, которые нельзя оставить позади. И не важно, как далеко ты удрал.

Бродар Кейн прикусил губу и захрипел от усилия. Большими, покрытыми шрамами, трясущимися руками он держал свое достоинство. Боль была невыносимой. Будь оно все проклято, это просто *жуткая* боль. Его брюху не раз доводилось встречаться и со стрелами, и с клинками, и они приносили куда меньше боли, чем это. По крайней мере, ему так казалось. Проблемы возраста. Это он над разумом шутки шутит.

Сосредоточенность. Вот ключ к успеху. Отгородиться от своящего с ума уличного шума и сконцентрироваться на сиюминутной задаче. Это было гораздо легче там, в Клыках, где постоянно звучал шепот ветра, прерываемый лишь воем волков или других тварей, а человек уважал право другого на уединение — настолько, чтобы дать ему возможность спокойно отлить. Здесь же, в большом городе, казалось, все до единого хотят вмешиваться в твои дела. Торговцы суют ему в лицо свои товары, словно он — девушка для удовольствий на военной сходке у вождя. Просто безумие какое-то.

Сегодня он уже отшил одного торговца — так, что тот едва не лишился чувств. Торговец схватил его за руку, очевидно, намереваясь вложить в нее какую-то ткань. Бродар Кейн извинился перед ним, когда осознал, что парень не собирался причинить ему вреда.

Он почувствовал, что постепенно давление в его мочевом пузыре начинает ослабевать. Обструкция мочевых путей, посредством которых очищается организм, — вот что сказал ему доктор. Он хотел сделать небольшой разрез и насилу унес ноги, а то Кейн затолкал бы ему все его металлические инструменты в... Ну, это было бы очень неприятно. Бродар не прожил бы так долго, если бы позволял мужикам с острыми инструментами крутиться поблизости.

Десять, девять, восемь, семь... Он мысленно вел обратный отсчет, следуя безмолвному ритуалу. Если он чему и научился за свои долгие годы, так это тому, насколько важно соблюдать определенный порядок, чтобы защитить тело от разрушительного действия времени. Это не имело ничего общего с суеверием. Или с тем, что он стареет.

Пять... четыре... три... и он с облегчением вздохнул, когда боль спала, и его мочевой пузырь изготовился опустошиться. *Два...один...*

— Вот дерьмо. — Звуки шумной погони помешали ему, когда он был уже на грани избавления, несколько капель обесцвеченной мочи скатились по его ноге, прежде чем его кран заело, как легкие мертвеца.

Кейн сунул предательский член обратно в штаны и вышел из бокового переулка, решительно настроенный выяснить, что там за суматоха.

Кто-то за это заплатит.

К стене старого склада, стоявшего немного дальше по улице, привалился парень. Он уронил голову на грудь, дыхание его было прерывистым, словно у него внутренняя рана и нужно бороться за каждый вдох. Все, кто глазел на него из-за дверей, исчезли, как только к несчастному приблизился Бродар Кейн. Ухватив прядь взмокших от пота волос, он оттянул голову парня назад.

Кровавый плевок чуть было не угодил Кейну в глаз. Рука парня лихорадочно ощупывала пояс в поисках оружия, но ей удалось лишь больно ткнуть Бродара в пах.

Быстрый как змея, он схватил руку парня и вывернул ее, заставив того взвизгнуть. Другой рукой он врезал надменному ублюдку по голове — так, что она отскочила от стены. Наклонившись, он поднял дурня и поставил его на ноги.

— Ты выбрал неудачный день, чтобы связаться со мной! — рывкнул он в измазанное кровью лицо.

Кейн увидел, что парню — около двадцати зим, светлокожий, как большинство городских жителей. Стального цвета глаза были полны слез, взгляд блуждал. Кейн раздраженно покачал головой.

— Начинаешь понимать, что зажился на этом свете, когда шлепнешь парня по башке, а он в слезы. В твоём возрасте я уже прикончил больше людей, чем мог бы сосчитать. Получил столько ран, что другой уже помер бы, а мне нипочем. Думаю, у тебя сломано ребро и нос уже прямым, как раньше, не станет. И тем не менее ты будешь жить — если допустить, что я тебе позволю.

Услышав за спиной звон кольчуги, он обернулся, разжав руку и выпустив юного жителя Низин, который тут же шмякнулся оземь.

— Прочь с дороги! Это дело Алой стражи! — воскликнул уродливый коротышка с лицом, обезображенным оспой. Приближаясь, он приволакивал правую ногу. За ним тянулся поблескивающий кровавый след.

Другой головорез был моложе и несколько шире в плечах, но на полголовы ниже Кейна и со свежим синяком под правым глазом. Солдат в красном плаще хмуро уставился на него.

— Ты — горец. Что ты делаешь так далеко на юге? Мужик твоих лет должен пасти коз или сидеть у костра, плетя небылицы какой-нибудь девке, чтобы она у него отсосала — или чем вы там еще занимаетесь. Хорошего приема здесь не жди. Лорд Салазар не любит лорда-мага Высоких Клыкков.

Кейн пожал плечами.

— Не сказал бы, что осуждаю его, — ответил он. — У нас с Шаманом тоже есть разногласия. Их достаточно, чтобы сделать стылый север небезопасным местом для старого варвара. — Юноша у его ног застонал. — Я шел этой дорогой. Думал посмотреть на город. Скажи-ка, что сделал этот парень?

— А тебе-то что? — отрубил рябой солдат. — Он виновен в том, что воспрепятствовал исполнению закона. Ублюдок ткнул меня в ногу этим кинжалом. Кровь так и не остановилась. — Он указал на оружие на поясе, а затем на свою ногу. В голосе его звучала тревога.

Бросив взгляд на кинжал, Кейн заметил многозначительное свечение.

— Магия, если не ошибаюсь, — сказал он. — Я не знаток, но полагаю, что рана сама по себе скоро не затянется. Лучше найди себе хорошего доктора. — Сложив руки на груди, он уставился на обоих солдат непреклонным взглядом.

Солдат помоложе потянулся рукой к мечу.

— Без этого засранца мы не уйдем. Давай отваливай.

Кейн наклонил шею. В ней слегка шелкнуло. Удовлетворенно вздохнув, он ответил:

— Нет.

— Тогда сдохнешь вместе с ним. Меррик, заходи слева.

Стражники медленно надвигались на него, их алые плащи развевались на ветру.

«Ну, давайте», — подумал он, потянувшись рукой к эфесу двуручного меча, подвешенного на спине, и сжал привычную рукоять. Отступив в сторону от лежащего ничком парня, Кейн окинул раздраженным взглядом его подергивающееся тело. От этого толку не будет. Противники кружили вокруг него.

Солдат справа сделал ложный низкий выпад, а затем резко послал меч слева направо. Кейн втянул живот. Меч просвистел в каком-то дюйме от него.

Боковым зрением Кейн уловил движение слева и, повернувшись, припал к земле. Почувствовав, что сталь пронеслась над его головой, он с хрустом всадил правый локоть в щеку нападавшему, и тот рухнул наземь. Завершая вращение, он другой рукой вытянул из ножен двуручный меч и поднял его как раз вовремя, чтобы парировать новую атаку второго солдата.

Его соперник отступил назад и прищурился.

— Чтоб тебя, — произнес он.

— О да! — кивнул Бродар Кейн. — Давай поскорей покончим с этим делом. Мне нужно отлить.

Двуручный и длинный мечи скрестились. Кейн почти не двигался, походя отражая исступленные атаки стражника. Тот в отчаянии бросился на Бродара с рубящим ударом сверху, намереваясь раскроить ему череп. Горец проворно отступил в сторону и ответил круговым ударом на уровне пояса.

Стражник в растерянности смотрел, как из кровавой дыры, возникшей на месте его живота, вываливаются внутренности. Выронив меч, он принялся было собирать влажно поблескивающие, трепещущие кишки, но тут же с отвращением бросил их.

«Неприятно, когда это случается», — сочувственно подумал Кейн. Подняв свой меч, он снес голову стражника с плеч.

Насухо вытерев клинок плащом трупа, он вернул его в ножны за спиной и подошел к другому стражнику, который, пошатываясь, пытался подняться на ноги. Ухватившись за голову солдата, он с размаху приложил ее четыре... пять... шесть раз о стену склада. Удерживая тело в вертикальном положении одной рукой, другой он снял с пояса мертвеца кинжал и лишь потом выронил труп.

Кейн повертел кинжал в руках. Довольно красивое оружие. Эфес и гарда — простые, но в головку рукояти вставлен большой рубин, и слегка изогнутый клинок излучает мягкое голубое сияние, что означает присутствие некой магии. Сунув его за пояс, он направился обратно в таверну, но тут его внимание привлек чей-то кашель.

— Чуть про тебя не забыл, — пробормотал он стонущему парню. — Думаю, я должен тебя за это поблагодарить. Может, и трудновато будет здесь, в Сонливии, найти подходящего торговца, чтобы сбыть такую штуку с рук, но где-нибудь в другом месте он принесет кругленькую сумму. — Поколебавшись минуту, он поднял ногу и поставил сапог на шею юноши. — Право, мне жаль, — изрек он. — Скоро тут будет полным-полно этих мерзких ублюдков. Если они тебя здесь найдут, ты еще до исхода дня сотню раз пожалеешь, что не отдал концы. Я оказываю тебе услугу.

Когда сапог Кейна надавил на горло, лицо парня посинело. Его руки беспомощно хлопали по земле, а с губ слетало жалобное бульканье. Взгляд серых глаз горца встретился с глазами, полными ужаса.

Они упрашивали его. Умоляли.

Кейн отвернулся. Он вспомнил глаза похожего цвета, почти такое же юное лицо. Воскресил в памяти безумную муку, когда жуткие вопли Мхайры бились в его голове и тошнотворное злование горящей плоти забивало ноздри, пока он до крови обдирает себе руки о путья клетки, которые никак не поддавались.

Он перевел взгляд на свои предплечья. Следы все еще видны, хотя это вряд ли имело значение. Ведь есть и другие шрамы, куда хуже. Такие, что меняют человека навсегда.

Тяжело вздохнув, старый варвар убрал сапог от горла мальчишки и, подняв бедолагу с мостовой, перебросил через плечо с легкостью, не свойственной его возрасту. Крякнув, он повернулся и широкими шагами поспешил исчезнуть с улицы со всей быстротой, на которую оказались способны его немолодые ноги.

Волк успел хорошенько набраться к тому времени, как Бродар Кейн ввалился в замызанную таверну в трущобах. Завсегдатаи забегаловки, задымленной настолько, что смело можно было вешать топор, встретили его любопытными взглядами, когда он опустил на заляпанный элем пол свою постанывающую ношу. Спина его дьявольски ныла.

Размяк он, вот в чем проблема. Сейчас мог бы уже быть в пути на восток, к одному из Свободных городов. Вряд ли там можно найти что-либо подобное этой зловонной развалюхе, но все они — на территории Ничейных земель, где не правит ни один лорд-маг и магия — не противозаконна, как в Благоприятном краю. Кинжал, что у него на поясе, принес бы знатный куш от подходящих людей.

Так нет же. Вместо этого он озаботился здоровьем чертова дурня, что корчится сейчас у стола.

Джерек сидел в самом грязном углу таверны, сгорбившись над своим пивом и бросая свирепые взгляды на всякого, кто имел неосторожность посмотреть в его сторону. Его лысина, отражая свет факела, придавала Джереку весьма раздраженный вид. А когда Кейн подошел к нему, глаза его превратились в щелки.

— Пора двигать, Волк, — произнес Кейн. — У меня была стычка с местными властями. Они тут все заполонят в течение часа. — Он выжидающе смотрел на друга, который медленно осушил свою кружку и вновь наполнил ее из ведерного кувшина, стоявшего возле стола.

Джерек коротко взглянул на него, затем вновь осушил емкость.

— Что это за тип? — хрипло проскрежетал он, поставив кружку на стол и кивая на юнца, корчащегося в другом конце

таверны. Тон его был самый что ни на есть будничной. Зловещий знак.

Кейн вздохнул. «Теперь придется и с этим разбираться».

— Этот парень? Его собирались прикончить двое ублюдков в красных плащах. Они велели мне убираться. А я не был к этому склонен. — Он терпеливо ожидал вспышки, которая, понятное дело, назревала.

Джерек внезапно поднялся. Невысокий по меркам горцев, он был при этом просто широченным. Уставившись на парнишку, он пожирал его взглядом, в котором плясало пламя. При этом поглаживал свою короткую бородку, черную, присыпанную пеплом седины. Поглаживание перешло в подергивание, и рот начал кривиться. «Начинается», — подумал Кейн.

— Совершенно невероятно! — зарычал Волк. С треском обрушив свои кулаки на стол, он опрокинул кувшин, содержимое которого выплеснулось на пол. Вытащив из-за спины два топора, Джерек указал на юнца левым. — Эта дрянь? Кто он? Да никто. Пусть подыхает. Нам без разницы. Тебе необходимо было во что-нибудь вляпаться, да? Я-то думал, мы тут все нормально обтяпали. Оживился. Собирался выпить хорошенько. Заслужил. Ты же не скажешь, что нет, учитывая, через какое дерьмо мы прошли? Планировал подцепить вечером телку, ты ведь об этом знал? А теперь что? Всегда герой — это про тебя. Хватит с меня этого дерьма. *Я устал от этой чертовщины!*

Кейн терпеливо дожидался, пока Джерек завершит свою тираду. Волк мог яриться как никто другой в этом мире, где полным-полно отмороженных, он был скор на расправу там, где хватило бы доброго слова, чтобы разрядить обстановку, он способен настроить против себя почти любого, кто проведет в его обществе больше пяти минут, но к концу дня он и Кейн — друзья не разлей вода. Как говаривал отец, надо принимать все как есть.

Джереку пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Старый горец использовал свой шанс.

— Остынь, Волк. Сопрем пару лошадей и поскачем на восток, в Ничейные земли. Доберемся туда за пару дней. Смотри-ка! — Он вытащил из-за пояса светящийся кинжал. — Магия. Принадлежал нашему другу. Думаю, он принесет нам тридцать

золотых, а может, и больше. — Тут ему кое-что пришло в голову. — Ты ведь говорил, что хочется женской компании? Ты пьешь здесь уже добрых три часа, а в том углу полным-полно шлюх. — Он указал в противоположный конец таверны, где вызывающе одетые женщины пытались привлечь клиентов.

Джерек нахмурился.

— Хотелось сначала выпить. Нельзя, что ли, мужику смочить свой свисток? Да я мог бы опустошить погреб этой таверны и всех девок тут оттрахать — ты ведь это отлично знаешь, Кейн. Или у тебя хватило духа подвергнуть сомнению мои мужские качества? — Волк сжал свои топоры так, что костяшки пальцев побелели.

— Ничего подобного, — поспешно заверил Бродар Кейн. — Просто наблюдение. Дай-ка я перекинусь парой слов с владельцем заведения, и мы отсюда свалим.

Он отправился к бару, где человек с гигантским чирьем на носу с подозрением наблюдал за ними. Покопавшись в кошельке, висевшем на поясе, Кейн извлек оттуда два серебряных скипетра и положил их на стойку бара.

— Видишь того парнишку на полу? Я хочу, чтобы у него была крыша над головой, пока он не встанет на ноги. У него несколько ребер сломано и голова будет чертовски болеть пару дней, но он выживет. Если появится стража, ты его в глаза не видел. Мы друг друга поняли?

Бармен опустил взгляд на монеты, а затем перевел его на бедолагу. Покачав головой, он отодвинул серебро в сторону.

— Мне жизнь дороже пары скипетров, горец. Если стражники обнаружат, что я укрываю преступника, они спялят таверну. А у меня — жена и дочь...

Его прервали: дверь таверны распахнулась, и в нее влетел пухлый человек в фартуке кузнеца, по его лицу, покрытому сажей, проложили светлые дорожки струйки пота. Он заверещал высоким, пронзительным голосом, который совершенно не соответствовал его внешности:

— Важные новости, парни! В городе — чрезвычайное положение! В Сонливию никого не впустят и не выпустят из нее вплоть до особого уведомления. Приказ исходит от самого лорда Салазара.

Бродар Кейн бросил взгляд на Джерека. Волк снова дергал себя за бороду.

— С каких пор? — спросил он кузнеца. Внутри у него все оборвалось.

— С этой минуты, — ответил толстяк девчачьим голосом. — Случилось что-то серьезное. Что-то, связанное с Призрачным Портом и войной из-за тех проклятых островов. — Он потер свои взъерошенные бакенбарды. — Там целый отряд стражников, к югу отсюда. Они кого-то ищут. И еще пару этих ублюдков неподалеку ухлопали.

«Вот дерьмо, — подумал Кейн. — Как это они успели так быстро отреагировать?» Он повернулся к Джереку.

— Мы отправимся в гавань и найдем, куда залечь.

Тут он почувствовал, что его тянут за рукав. Парень пытался подняться. Бродар поставил его на ноги.

Юноша тут же согнулся, обхватив грудь руками, судорожно втягивая воздух. Затем, что удивительно, он выпрямился. По лицу, покрытому коркой засохшей крови, было видно, что ему безумно больно, но в стальных глазах светилась решимость.

«Итак, в тебе все же есть стержень», — подумал Кейн.

Подошел Джерек и зло уставился на юнца. К чести парня, он выдержал взгляд Волка и не отступил.

— Меня зовут Даварус Коул, — произнес он голосом, в котором прозвучала необычная сила, плохо вяжущаяся с выражением страдания на лице. Словно он произносил заученную речь. — Я знаю место к северо-западу отсюда, где мы сможем укрыться от Алой стражи. Мы будем там среди друзей. — Кашлянув, он выплюнул сгусток крови. На мгновение показалось, что он грохнется в обморок.

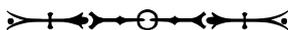
Кейн почесал в затылке. Странный парень этот житель Низин.

— Я Бродар Кейн. Это — Джерек. Не скажу, что у меня есть план получше, поэтому поверю тебе на слово. В чем дело? — Он заметил, что парень уставился на его пояс. — А, это. Я придерживаю пока этот кинжал в оплату за спасение твоей жизни.

Коул, похоже, собирался запротестовать, но Джерек метнул на него убийственный взгляд, и Коул предпочел закрыть рот. Кейн ободряюще похлопал парня по спине.

— Ну, тогда хорошо. Веди.

ПЕРЕПУТЬЕ

Город просто бурлил, пока Даварус Коул вел своих новых знакомых по извилистому лабиринту улочек. К счастью, среди толп горожан стражники им не встретились.

«Судьба вновь улыбается мне», — удовлетворенно подумал Коул. Грудь его пульсировала болью, обжигающие вспышки пронзали череп при каждом шаге, но, по крайней мере, он остался жив.

Даварус бросил быстрый взгляд назад. Горец постарше отличался впечатляющим ростом, он почти на голову выше Коула. Выглядел он лет на пятьдесят. Несмотря на преклонные годы, Кейн мускулист и подтянут, он явно не утратил своей силы. Его лицо с широким носом, обветренное и морщинистое, обезображивал шрам, который начинался под левым глазом и шел по диагонали под щеку. Седые волосы горца несколько поредели на макушке, на лбу виднелись залысины, а на шею все еще ниспадала эффектная грива. Его лицо покрывала серебристая щетина, но темно-синие глаза сверкали не по возрасту ярко.

В общем, Бродар Кейн выглядел в точности так, как Коул представлял себе типичного горца-варвара, хотя и миновавшего уже свою лучшую пору. Даварус допускал, что женщины все еще считают его красивым.

Этого никак нельзя было сказать о том, кто молчаливо шагал рядом с ним. Коул полагал, что Джерек моложе Бродара Кейна, ему, возможно, сорок с небольшим. Пониже своего соотечественника, он все же был на несколько дюймов выше

Коула, дородный мужик с лицом из тех, что вызывают у детей ночные кошмары. Его темные глаза пристально глядели с хмурого лица, жутко обожженного с правой стороны. Голова его была лишена волос, за исключением короткой бороды.

Встретившись глазами с Коулом, Джерек впился в него взглядом.

— Какие-то проблемы? — зарычал горец, потянувшись к топорам, висевшим за спиной.

Коул кашлянул. Они прибыли на Крюк.

— Мы почти на месте. Видите полуразрушенное здание на другой стороне площади?

Бродар Кейн прищурился, словно ему потребовалось усилие, чтобы различить старую колокольню в сотне ярдов.

— Вижу. Выглядит не лучшим местом для тайного убежища. — Его лицо помрачнело. — Это виселицы? — Он кивнул на клетки, свисавшие с большой деревянной рамы на возвышении в центре площади. Ветер, поднявшийся с наступлением сумерек, раскачивал клетки и с лязгом сталкивал их в зловещем ритме.

— Салазар почти не дает им пустовать, — ответил Коул. Его поразило выражение лица Бродара Кейна. Оно словно окаменело. — Эта башня — часть старого заброшенного храма Матери. Осколки встречаются здесь раз в месяц. Передняя часть рухнула уже давно, но есть секретный вход.

— Мать, — проскрежетал Джерек. — Ха. Нет богини, которая заботилась бы сейчас о нас. — Он сплюнул.

Коул решил продолжить разговор.

— Мы обойдем Крюк с внешней стороны. Меня могут опознать, если мы попытаемся его пересечь.

Внезапно он вспомнил старика, череп которого рассек меч стражника. Он вроде бы даже разглядел темное пятно крови на дороге Тирана. Тело, должно быть, уже утащили и, скорее всего, забрали все ценное, что на нем было. Такова жизнь в Сонливии.

Коул указал горцам направление, и они двинулись вокруг Крюка. Пока они шли по периметру огромной площади, его острый слух ловил обрывки болтовни прохожих. Казалось, все говорили о чрезвычайном положении и том, что это означает для города. У Коула остались лишь смутные воспоминания

о том, что происходило в прошлый раз, когда он был совсем мал. Стены Сонливии осадила какая-то жуткая дрянь, и для ликвидации этой угрозы была отправлена команда Манипуляторов, не всем из которых удалось вернуться.

Тут он услышал, как две старухи рассуждают о погоде, показывая на горизонт. Женщины притихли, когда Коул и его спутники проходили мимо, и Даварус чувствовал, что их провожают любопытными взглядами на пути к противоположной стороне площади.

Горцы очень редко встречались в Благоприятном крае. Их родина находилась на самой окраине мира, далеко на севере, за Бесплодными землями, которые некогда были обширными степями Яханских кочевых племен.

Коул бросил взгляд на грозные фигуры, которые следовали за ним. То, что они пережили грандиозное путешествие, забравшись так далеко на юг, говорило само за себя. Это упорные парни.

Быть может, почти такие же упорные, как он сам.

Они приближались к разрушенной башне. Заморосил дождь. Коул заметил темную тучу, наползающую с юго-запада. Остановившись на мгновение, он запрокинул голову, чтобы смочить лицо и стереть с подбородка кровь. Джерек врезался в него сзади, и он отлетел в сторону, по ребрам ударила горячая волна боли.

— Зараза, отвали с моей дороги! — рявкнул горец.

У Коула отвисла челюсть. Он ожидал извинения или, по крайней мере, некоего признания, что столкновение вышло непреднамеренно. Он хотел было отбрить Джерека за грубость, но тон горца заставил его передумать. Вместо этого он выдавил из себя улыбку.

— Джерек не любит дождь, — заметил Бродар Кейн почти сердечно. — Шрамы от него жутко зудят. Не принимай это на свой счет.

— Без обид, — небрежно ответил Коул, представляя вместе с тем, как его кулаки превращают лицо ублюдка в кровавое месиво. — Почти пришли.

Они обогнули разрушенную башню и осыпающиеся стены западного внутреннего двора и портика. Руины здания были

увиты плющом. Коул привел горцев к задней части храма, где стены осели и потрескавшийся цоколь накренился под опасным углом. Здесь к храму почти вплотную подступали товарные склады, создавая огражденное пространство, скрытое от назойливых глаз.

Быстро осмотревшись по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии слежки, Даварус Коул наклонился и отвел в сторону переплетенные ветки плюща. За пышной растительностью обнаружился пролом, настолько маленький, что в него можно было лишь протиснуться. Дав горцам знак следовать за ним, юноша полез в щель. Бродар Кейн проник внутрь с поразительной легкостью, его длинные конечности проявили при этом впечатляющую гибкость. Джерек оказался менее податливым. Хрипло дыша и грязно ругаясь, он протиснулся наконец в отверстие с невероятными усилиями.

— Вот мы и на месте, — сказал Коул.

Он смотрел на каменный проход к ступеням, ведущим к убежищу. Осколки сейчас, конечно, беспокоятся из-за его отсутствия. По телу пробежал трепет предвкушения. Он получил раны, которые наверняка вывели бы из строя не столь крутого парня, и все же он здесь, мужественный герой влетает сюда, сопровождаемый отважными новыми товарищами. Он с нетерпением жаждал увидеть Сашино лицо...

— Что-то не так? — спросил Бродар Кейн, выведя его из задумчивости. Коул покачал головой в ответ.

— Эта дверь ведет в убежище. Осколки сейчас там. Я переговорю с ними, и все будет в порядке.

Пройдя до конца коридора, юноша поднялся по ступенькам и пробарабанил сложную последовательность сигналов по верхней части двери. На протяжении нескольких мгновений изнутри доносился приглушенный шепот. Наконец засов отодвинули, и дверь распахнулась.

— Коул! — воскликнула Саша. Она окинула взглядом разбитое лицо Даваруса без всякого намека на сочувствие. — Давай-ка поднимайся.

Осколки собрались вокруг того, что осталось от большого алтаря, который некогда гордо возвышался в центре святилища

Матери. Когда несколько веков назад последние почитатели богини примирились наконец с ее кончиной и покинули храм, они унесли золотые статуи Матери в ее различных ипостасях вместе со всем остальным, что представляло какую-то ценность. Ныне это место было напрочь лишено украшений. Дождевая вода, текущая сквозь большую прореху в крыше храма, образовала у основания алтаря изрядную лужу. Вода тонкой струйкой текла в неф, по пути вбирая в себя пыль, крысиный помет и прочую грязь.

Последним оскорблением памяти Матери была значительных размеров задница Гарретта, которую тот упер в алтарь, наблюдая за приближением Коула. И еще десять пар глаз уставились на юного Осколка. Из-за тусклого освещения Коул не был вполне уверен, что разглядел все как следует, но выражения явного облегчения, которого он ожидал, в них не было.

— Ты опоздал, — произнес Гарретт.

Он постучал по карманным часам, которые держал в руке. Это роскошное устройство, свежее изобретение из Города Теней, Гарретт приобрел у торговца за непомерную цену прежде, чем разразился конфликт с Сонливией.

— Лучше поздно, чем никогда, да? — ответил Коул, одарив присутствующих своей наилучшей грустной улыбкой. — Меня отвлекло столкновение с нашими друзьями из Алой стражи. Никакого ущерба. — Он указал на свое лицо. — За исключением носа. Не волнуйся, Саша, он заживет.

Кто-то кашлянул. Саша покачала головой и уставилась в пол.

— Хотя стражникам не так повезло, — продолжал Коул. Выдержав драматическую паузу, он бесстрастно пожал плечами. — Они мертвы.

Его слова встретила тишина. В конце концов ее прервал Гарретт, который тихо спросил:

— Кто эти люди, что пришли с тобой, Даварус?

Коул оглянулся на дверь за спиной, где в тени поджидали горцы. На его ладонях выступил пот.

— Как раз собирался перейти к этому. Я встретил их по пути сюда. Один из них оказал некоторую помощь со стражей. Им нужно было место, чтобы укрыться, и я подумал, что...

— Ну, это ни в какие ворота не лезет. Да это же предрерьмовейшая дырища. И ты хочешь, чтобы мы здесь укрывались? Да пошел ты... Я здесь не останусь. Это нечестно. — Вынырнув на свет, Джерек выпалил это прямо в лицо Коулу.

Кислый запах изо рта горца заставил юного Осколка отшатнуться. Бродар Кейн плавно возник из тени мгновением позже и положил руку на плечо друга.

Осколки, как один, схватились за оружие и навели на обоих чужаков арбалеты. Руки Джерека тут же оказались на топорах.

Коул закрыл глаза. События развивались не так благоприятно, как он надеялся.

— Довольно, — скомандовал Гарретт. — Опустите оружие. Эти люди не имеют отношения к страже.

— Это чертовски верно, — согласился Бродар Кейн. — Это я спас вашего парня. Ему, конечно, здорово вломили, и от этого у него в голове все перемешалось. Его вырубил напрочь до того, как я вмешался.

— Это правда? — спросил Гарретт.

Он говорил тем самым тоном, который частенько использовал в тех случаях, когда протезе чем-то его разочаровывал. Коул поморщился. В голосе наставника по-прежнему звучала властность.

— Ну да, но у меня имелся план, — ответил он.

Оглянувшись в прошлое, он решил, что ему нужно было просто-напросто отвлечь одного из стражников, чтобы вернуть свое оружие, а затем удрать. В конце концов, ведь он герой. Успех был практически гарантирован.

Бровь старого горца поехала вверх. У него появилось то самое выражение, которое Коул заметил еще на Крюке. Коул уже знал, что рассердить этого человека едва ли не более опасно, чем разозлить Джерека.

— Как бы там ни было с планом, я благодарен за помощь, — быстро закончил он.

— Хорошо, — сказал Бродар Кейн. Он задумчиво поскреб подбородок. — Суть дела в том, что город полон солдат, которые нас ищут, а бежать нам некуда. Учитывая, что в городе введено чрезвычайное положение, юный Коул предложил нам укрыться здесь на время.

Гарретт внезапно спрыгнул с алтаря, при этом его обширное брюхо выпирало из-под куртки, а двойной подбородок трясся так, что Коул нашел бы все это довольно комичным, если бы не серьезность прозвучавших слов.

— Скажи мне, что ты дал этим горцам снотворное, прежде чем повел их сюда, Даварус!

Внезапный приступ страха был так силен, что напомнил Коулу удар эфесом меча, полученный от стражника.

— Я не думал... В небе не было следящих ястребов... — Его голос замер. Осколки, как один, впились в него пылающими от бешенства взглядами.

— Ты мог выдать наше местоположение страже, — спокойно заметил Гарретт. — Возможно, они уже направляются сюда прямо сейчас.

— Разумеется, нет, — сказал Бродар Кейн. — В Высоких Клыках уже многие годы не бывало ни одного следящего ястреба. Выходит, мы не выдаем свои тайны так легко, как вы, народ Низин. Думаю, у нас воля сильнее.

— Вы научились скрывать свои мысли? — удивленно спросил Гарретт.

— Не скажу, что знаю что-нибудь об этом, — ответил Кейн. — Им не удастся читать наши мысли. Шаман отыскивает инакомыслящих по старинке. — Голос его становился все глуше. В серых глазах старого воина внезапно появилось беспокойство.

Коул испытал облечение. Он бросил взгляд на Джерека, который стоял, сложив руки на груди, с мрачной усмешкой на лице.

— Ну что ж, — сказал Гарретт. Тревога на лице торговца сменилась выражением глубокого раздумья. — Это несколько развеяло мои опасения. Я — Гарретт, и я веду за собой мужчин и женщин, которых вы видите перед собой. Мы — Осколки, мятежная группировка, противостоящая тираническому правлению Салазара.

Джерек фыркнул.

— *Мятежная группировка.* Совершеннейшая нелепость. Я не собираюсь стоять здесь и выслушивать это дерьмо.

Не говоря больше ни слова, раздраженный воин одним прыжком слетел по ступенькам, ведущим в неф, и принялся

разглядывать стоящие там древние каменные скамьи. Выбрав одну из них, он швырнул свое снаряжение на пол рядом и лег на спину, подложив руки под голову.

Несколько Осколков вновь подняли свои арбалеты. Братья Урич полыхали от гнева, их глаза сверкали смертельной угрозой. Гарретт сделал яростный жест. По его приказу они несколько успокоились, но продолжали метать разъяренные взгляды в сторону Джерека.

Его соотечественник выглядел слегка сконфуженным.

— Волк немного несдержан, — заметил старый варвар извиняющимся тоном. — Он становится таким, когда устает. Он не хотел проявить неуважение. Я — Бродар Кейн...

Голос из нефа, наполненный горечью, прервал высокого горца:

— Ну не верх ли это роскоши? Просто офигенная награда за то, что мы выжили в самых смертоносных местах, известных человеку.

— У вас тут просто дивно, — закончил Кейн и кашлянул. — А теперь, когда мы познакомились, не дадите ли вы нам чего-нибудь поесть? От этой суматохи я проголодался.

Глядя в огонь, Коул прислушивался к тому, как барабанит дождь по полуразрушенному куполу храма. Им удалось развести небольшой костер, найдя сухое место там, где крыша была почти невредимой. Громкие раскаты грома соперничали с потрескиванием пламени и храпом Джерека, пытаясь перекрыть голос Гарретта, который рассказывал Бродару Кейну об их группе. Напряженность несколько спала, хотя некоторым из Осколков по-прежнему было неудобно в присутствии двух седеющих воинов.

— А это Саша, наш лучший подстрекатель, — продолжал Гарретт. — Она плетет интриги, чтобы раздуть негодование против Салазара и его Главного Совета. Это очень узкая тропка. Ненависть, как любое другое сильное чувство, — словно сигнальная вспышка для следящих ястребов. Мы должны быть осторожны.

«Слишком боится сделать то, что нужно», — подумал Коул. Если бы это зависело от него, Осколки боролись бы против Салазара куда более открыто.

— Вот Викард, наш алхимик, он изготавливает наркотик, который позволяет нам защищать свои мысли от тех магических мутантов в небе. Слишком большие порции этого средства могут быть опасными, и наши запасы в последнее время, кажется, истощились.

— Чем сильнее мы напираем, тем больше этого нужно, — горячо заметила Саша. — Мы же говорили об этом, Гарретт.

— Я знаю, — мягко произнес наставник Коула. — Это просто мое наблюдение. Ингредиенты дорожают, их становится все труднее доставать. Я стараюсь поддерживать наши запасы по мере сил.

— Ты видел нашего врача в действии, — продолжал Гарретт, указав в сторону худого старика, сидящего напротив.

Коул прищурился. Он не сомневался, что Реми испытал болезненное наслаждение, с треском вернув его нос на место. Ему пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не завопить, а слезы так и катились по лицу градом. Во всяком случае, ребра только ушиблены, но не сломаны. Реми предупреждал, что ему следует избегать любого физического напряжения по крайней мере в течение пары недель, но Коул спокойно решил проигнорировать его рекомендации. Герои не расслаиваются в ожидании, пока затянутся их раны.

Бродар Кейн широко улыбнулся ему. Даварус невольно улыбнулся горцу в ответ. Как и Коул, старый варвар — явно человек действия.

— А эти здоровые парни? — спросил Кейн, кивнув за костер.

Коул нахмурился. Ему не нравились братья Урич, с которыми приходилось нелегко, когда Гарретт его растил.

— Арам и Гармст, — ответил Гарретт. — Близнецы, если ты не догадался. Они — самые свирепые бойцы в группе, — добавил он, к неудовольствию Коула.

— Если нужно кого-то убить, мы — к твоим услугам, — проворчал Арам, метнув сердитый взгляд в Бродара Кейна.

Коул не смог удержаться:

— Но не проси их ни о чем более сложном, чем ударить по чему-нибудь, — язвительно заметил он. — Я слышал, по утрам они проверяют друг у друга штаны, чтобы не надеть их задом наперед.

Он осклабился, глядя в лица сидевших вокруг костра. Бродар Кейн тихо усмехнулся. Братья Урич бросали на него взгляды, сулившие суровое возмездие. Все остальные смотрели на него спокойно, за исключением Саши, на лице которой играла легкая улыбка. По мнению Коула, это того стоило.

— А теперь — к делу, — изрек Гарретт. — Прошлой ночью мне кое-что стало известно, и это не может ждать. Салазар вызвал своих Манипуляторов в Обелиск. Всех до единого.

«Что?» — Коул не верил своим ушам.

— Манипуляторы — это элитные бойцы Салазара, — добавил он, заметив озадаченное выражение на лице Бродара Кейна.

Гарретт, сидевший на корточках, подвинулся и медленно выдохнул. Он до мельчайшей детали выглядел богатым и успешным купцом, и, по мнению его партнеров в картеле Серого города, он им и был.

Никто из его коллег и помыслить не мог, что бóльшую часть своего значительного богатства он тратил на финансирование мятежной организации, нацеленной на свержение тирана Сонливии. Коул нежно любил своего приемного отца, но знал, что, когда придет его время взять в руки бразды правления и повести за собой Осколков, он достигнет большего, чем унижение нескольких магистратов. Он увидит смерть лорда-мага.

— Война за Небесные острова не закончится с поражением нашего флота, — говорил Гарретт. Прижав руку к животу, он состроил кислую мину. — Политическая ситуация в Благоприятном краю — на грани. Мариус из Призрачного Порта и Белая Госпожа из Телассы знают, что Сонливия ослаблена. Салазар будет стремиться нанести ответный удар, и быстро. Он не примирится с тем, что его низвели до положения третьей силы в Благоприятном краю.

— Но зачем же собирать всех Манипуляторов? — спросил Викард, потирая нос.

Коул заметил, что он это частенько делает.

— Он занимается великой магией. Магией в таких масштабах, каких не пытались достичь многие годы. Он ее откачивает.

— У своих Манипуляторов? — воскликнула Саша. — Это возможно?

Гарретт кивнул.

— Салазару служат по меньшей мере сорок Манипуляторов. Первозданная магия, которую он накапливал десятилетиями, вложена в мечи и копья, щиты и шлемы, что делает Манипулятора совершеннее любого обычного солдата. Тем не менее эта магия все еще связана с ним, он может ее использовать и добавлять к собственным гигантским резервам. Он может готовить заклинание, чтобы учинить опустошение невиданных со времен Войны с Богами масштабов, когда он и равные ему совершили убийство богов. Убили ту самую богиню, в храме которой мы сейчас укрываемся.

Все на время умолкли. В конце концов заговорил Коул:

— Манипуляторы Салазара защищают территорию Сонливии от всякой мерзости и других угроз. Если он поглотит их магию, они станут бесполезными. Он не может позволить себе потерять исполнителей своей воли. Или может?

Внезапно ему жутко захотелось вновь обладать Проклятием Мага. Он бросил взгляд на Бродара Кейна и магический кинжал на его поясе. Словно прочитав его мысли, горец положил руку на оружие. Другой рукой он поднес ко рту старое яблоко и, откусив последний кусок, бросил огрызок в огонь.

— Салазар крайне жесток, как все мы знаем. Он сделает все, что потребует, чтобы достичь своих целей, — заявил Гарретт. Он снова потерял живот, прежде чем продолжить. — Небесные острова — величайший источник первозданной магии в известном мире. Существующие запасы Сонливии иссякнут в течение десятилетия. Лорд-маг, который овладеет Небесными островами, сделает все, чтобы удержать их навсегда. Манипуляторов можно заменить, новое оружие — выковать и передать тем, кого Салазар сочтет подходящими.

Саша наклонилась вперед. Коул не мог не заметить, что ее глаза в свете костра выглядят просто огромными.

— Пока Манипуляторы в Обелиске, имущество Салазара внезапно стало очень уязвимым, — заметила она. — Наверное, это наш шанс. Возможность сделать что-то заметное.

Густые усы Гарретта дернулись, и он улыбнулся отряду.

— Стенающий Разлом, — произнес он. — Единственная действующая шахта по добыче магии в Сонливии, отсюда ее огромная ценность для лорда-мага. Мы организуем на ней диверсию.

— Но город закрыт, — запротестовал Гармст. Его брат глубокомысленно кивнул, словно все остальные, что сидят вокруг костра, упустили этот нюанс.

— Предоставьте это мне, — ответил Гарретт. Он повернулся к Саше. — Ты поведешь маленький отряд к гавани, где ожидает мой доверенный человек. Точное место сообщу тебе, когда буду инструктировать. Викард отправится с тобой. Реми, твое присутствие также было бы полезным.

— Нет, — ответил нудный медик. — У меня нет никакого интереса к приключениям. Кроме того, я должен провести вечер с пациентом, одним из магистратов. Он не порадуется, если я не появлюсь у него.

Вздохнув, Гарретт повернулся к Бродару Кейну, который покончил с яблоком и теперь пытался извлечь из зубов особенно упрямую частичку. Лицо купца помрачнело.

— Я просил бы тебя озвучить свои намерения, горец. Ты и твой друг теперь знаете достаточно, чтобы всех нас поубивали. Старый варвар поднял бровь.

— Я спас жизнь юному Коулу. Полагаю, что мы заслужили ваше доверие.

У Гарретта был сейчас расчетливый вид, хорошо знакомый Коулу по совместным поездкам на деловые переговоры.

— Я сделал себе состояние на способности читать людей, — медленно произнес его приемный отец. — Однако кое-чего я все же не понимаю. Я замечаю, например, что дыхание твоего соотечественника чуть-чуть замедлилось, а его руки непостижимым образом стали ближе к топорам, что лежат сбоку, чем они были мгновение назад.

Коул с удивлением посмотрел в указанном направлении и увидел, как глаза Джерека открылись и губы безмолвно произнесли: «Вот дерьмо». Внезапно его захлестнуло восхищение хитрым старым наставником.

На Бродара Кейна это, похоже, также произвело впечатление.

— Даю тебе слово, — сказал он. — Я его никогда не нарушал — за исключением одного-единственного раза и в таких обстоятельствах, что назвал бы человека, поступившего иначе, конченым глупцом.

Гарретт кивнул.

— Как я уже сказал, я делаю деньги, оценивая людей. Полагаю, что, даже если вас превосходят в численности пять к одному, вы двое превратите этот храм в кровавую баню, если до этого дойдет дело. — Он уныло покачал головой. — Но довольно взаимных угроз. У меня есть к вам предложение.

— Выкладывай.

— Разлом — на самой окраине Благоприятного края. Бандиты часто переправляются там из Бесплодных земель к северу. И этот регион заполонен мерзостью.

Бродар Кейн поднял бровь.

— Бандиты и мерзость? Полагаю, у меня больше опыта по этой части, чем у многих других людей.

Гарретт кивнул.

— Саше и Викарду потребуется сопровождение. Я послал бы братьев Урич, но они нужны в другом месте. Как насчет десяти золотых?

Старый горец на мгновение перестал ковыряться в зубах.

— Как мне представляется, этот кинжал — справедливая награда за спасение вашего парня Коула. Полагаю, что получу за него больше двадцати золотых в Ничейных землях.

Гарретт покачал головой:

— Ты обнаружишь, что Проклятие Мага бесполезен и для тебя, и для большинства людей, что попытаются его применить.

Бродар Кейн, похоже, был озадачен.

— Отчего же?

Несмотря на растущее раздражение, Коул не мог не усмехнуться. Он знал ответ на этот вопрос.

— Магия клинка сработает лишь в руках того, в ком течет кровь подлинного героя, — ответил Гарретт.

Произнося эти слова, он немного поерзал, словно они вызвали у него ощущение неловкости.

Почесав нос, Бродар Кейн расплылся в улыбке.

— Тогда меня можно не считать. Никогда не утверждал, что я герой. Но что удержит тебя от того, чтобы отказаться платить, после того как я выполню свою часть сделки? Маловероятно, чтобы я смог вновь найти тебя в таком огромном городе.

Предводитель Осколков скривил губы и промолчал. В воцарившейся тишине Коул слышал размеренное «тик-так» из кармана Гарретта.

— Я придержу этот кинжал, — произнес наконец Кейн. — Когда наше дело в Разломе будет завершено, я передам его обратно твоему парню. Как только я получу тридцать золотых, которые ты собираешься предложить. По пятнадцать — мне и Волку.

Гарретт прищурился.

— Ты торгуешься как купец, — пожаловался он. — Хорошо. Мы договорились. Просто береги этот кинжал. Его нельзя недооценивать. Это единственное, что может свести на нет магию Салазара.

— Я не спущу с него глаз, — заверил Бродар Кейн.

Коул наслушался достаточно. Он сердито поднялся.

— Похоже, мне нужно найти себе другое оружие. Когда мы отправляемся?

— Ты никуда не едешь, Даварус.

Коул помедлил. «О чем говорит Гарретт?»

— Послушай, мои ребра в порядке, — сказал он раздраженно. — Даже с этими ушибами я здесь быстрее всех. — Он обвел взглядом собравшихся Осколков, словно предлагая любому возразить.

— Дело тут не в твоих ушибах. — Голос Гарретта звучал устало. — Сегодня ты едва не позволил себя убить. Ты не подчинился моим подробным наставлениям и чуть не навлек беду на всех нас. — Его голос чуть смягчился и стал печальным. — Я растил тебя с восьми лет. Я люблю тебя, как сына, Даварус. Но ты отказываешься выполнять то, о чем я прошу. Ты думаешь только о себе и о славе. Ты должен научиться действовать в составе группы, прежде чем я вновь стану тебе доверять.

Коул с трудом верил своим ушам. Казалось, будто ему вонзили кинжал в брюхо.

— Это же нелепо, — запротестовал он. — Я — самый лучший для этой миссии. Ты это знаешь! Для этого я был рожден!

— Мне жаль, Даварус, — сказал Гарретт.

Коул осмотрелся в поисках поддержки. Никто не встретился с ним взглядом, за исключением старого горца, который хранил молчание.

— Я — Даварус Коул! — яростно вскричал он. — Моему отцу не было равных! Вы все можете поджать хвост и притворяться, что делаете доброе дело. А я не буду оставаться в стороне, когда на улице убивают невинного.

Он достал из-под кожаного жилета зеленый кварцевый кристалл, который Гарретт подарил ему на восемнадцатый день рождения, когда его официально привели к присяге как члена группы Осколков. Кристалл висел на простом кожаном шнурке. Коул сильно дернул его, и шнурок порвался.

Минуту он смотрел на кристалл, лежащий в руке. Даварус вспомнил, как гордился, когда Гарретт подарил его. Двенадцать лет этот человек был ему отцом. Больше половины жизни. И так он теперь обращается со своим приемным сыном?

Коул в отвращении покачал головой и под общий вздох всех сидящих у костра швырнул кристалл в огонь. Затем он бросился вон из храма Матери, под жалящий ночной дождь, который в двух сотнях миль к югу прекратил существование Призрачного Порта.

